

DOI 10.15826/qr.2018.3.328
УДК 39:94(470.57)+316.462

«КРАСНАЯ» СВАДЬБА В БАШКИРИИ: ЭКСПЕРИМЕНТЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ*

Фарида Галиева

Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева,
Уфимский федеральный исследовательский центр РАН,
Уфа, Россия

RED WEDDINGS IN BASHKIRIA: THE EXPERIMENTS OF SOVIET POWER

Farida Galieva

R. Kuzeev Institute for Ethnological Studies,
Ufa Federal Research Centre, RAS,
Ufa, Russia

The author analyses the introduction of the Soviet civil ceremony of “Red” weddings in postwar Bashkiria in order to eliminate religious beliefs, ethnic customs, and territorial differences by means of uniting youth for the purpose of solving existing social problems. The author refers to Bashkir periodicals of the 1920s, field materials, funds of the national archive of the Republic of Bashkortostan, and publications on the ethnography of the peoples of the republic. Red weddings in Bashkiria were first mentioned on 2 October 1923. In 1924, they were organised in towns, canton centres, and factory settlements among Komsomol members, non-party people, and clerks. In rural areas, attempts to impose new rituals on the public failed. As was explained by Bashkir newspapers, Komsomol leaders in the countryside were economically dependent on their parents and had to agree to their conditions. Additionally, this failure to introduce new practices was explained by the fact that it proved impossible to “develop” and “bring up” one of the spouses,

* *Citation:* Galieva, F. (2018). Red Weddings in Bashkiria: the Experiments of Soviet Power. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 3, p. 784–796. DOI 10.15826/qr.2018.3.328.

Цитирование: Galieva F. Red Weddings in Bashkiria: the Experiments of Soviet Power // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 3. P. 784–796. DOI 10.15826/qr.2018.3.328 / Галиева Ф. «Красная» свадьба в Башкирии: эксперименты советской власти // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 3. С. 784–796. DOI 10.15826/qr.2018.3.328.

usually a non-Komsomol member. According to field and archival materials, rural areas continued observing their old traditions in the 1920s, keeping patriarchal customs, and conservative worldview. This was particularly true about the Bashkir Trans-Urals, which still preserved a nomadic lifestyle, polygamy, and bride price. In Priuralye Bashkir settlements, there were rare cases of so-called demonstration Red weddings. Overall, the author finds data about Red wedding practices among Russians, Bashkirs, Tatars, Ukrainians, Chuvash, and Estonians. By the late 1920s, Red weddings had stopped as they were discredited in the public's opinion and there had been a change in the political course of the country.

Keywords: Red wedding; Bashkiria; Red baptism; Red funeral; post-revolutionary years.

Представлен анализ опыта Башкирии по внедрению в послереволюционные годы советского гражданского обряда «красная свадьба» с целью искоренения религиозных верований, этнических обычаев и территориальных различий через единение молодежи в деле решения актуальных социальных проблем. В качестве источников использованы периодика Башкирии 1920-х гг., полевые материалы автора последних лет, фонды Национального архива Республики Башкортостан, опубликованные работы по этнографии народов республики. Первое упоминание «красной свадьбы» в Башкирии датируется 2 октября 1923 г. В 1924 г. она проводилась в городах, кантонных центрах и заводских поселках среди комсомольцев, беспартийных рабочих и служащих. В сельской местности попытки навязать новый обряд взамен традиционных ритуалов оказались безуспешными. Газеты Башкирии этот факт объясняли тем, что даже комсомольские лидеры на селе имели экономическую зависимость от родителей и вынужденно соглашались на их условия. Оправданием считалось и то, что одного из супругов-некомсомольцев не удалось «развить» и «воспитать». По полевым и архивным материалам, в 1920-е гг. село в основном продолжало жить по обычаям предков, сохраняя патриархальные порядки и консервативное мировоззрение. Особенно это касается башкирского Зауралья, где сохранялись кочевой образ жизни, многоженство и калым. В приуральских башкирских селах имелись редкие случаи проведения показательной «красной» свадьбы. В целом выявлены сведения о «красной» свадьбе в быту русских, башкир, татар, украинцев, чувашей и эстонцев. К концу 1920-х гг. «красные» обряды перестали проводиться в связи с дискредитацией их в сознании населения и сменой политического курса страны.

Ключевые слова: «красная» свадьба; Башкирия; «красные» крестины; «красные» похороны; послереволюционные годы.

«Красная» свадьба внедрялась в жизнь народов Башкирии, как и других регионов [Табунщикова, с. 87–91], взамен традиционного ритуала, наряду с «красными» крестинами (октябринами, звездинами), «красными» (гражданскими) похоронами, «красным» Сабантуем, «красной» Пасхой¹ и иными праздниками. «Красный» – значит комсомольский / советский / антирелигиозный. Это основной цвет советской символики, хотя он имеет корни в традиционной культуре. «Красная» свадьба проводилась в общественном месте – клубе или библиотеке (советских «храмах» для проведения ритуалов). В «красном углу» – за столом, крытом красной материей, усаживались молодожены, слушали наставления представителя власти (по аналогии с батюшкой в церкви или муллой в мечети), принимали поздравления (ритуальные благопожелания). Молодые часто сидели на сцене на красном фоне с социалистическими лозунгами, остальные – в зрительном зале [Азарова, с. 121]. Новые родственники со стороны жениха или невесты становились «красными кумовьями».

Повсеместно в России «красная» свадьба представляла собой общественно-политическое мероприятие, и в городах, и крупных селах проводилась в двух основных вариантах. В первом случае порядок был такой: 1) доклад представителя волисполкома (сельсовета, партии, комсомола) о новом быте, вреде религии, роли и задачах молодежи, взаимоотношениях между мужем и женой как равноправных товарищах; 2) ритуал «расписывания» (постановка подписей о вступлении в брак в книге регистрации); 3) вручение подарков – книг политического содержания, портретов вождей, продуктов, украшенных советской символикой; 4) спектакль или концерт самодеятельности [Марков, с. 38–39]. Пресса фиксировала внимание читателей на идеологической значимости советской регистрации брака, которая часто производилась как один из пунктов повестки дня собрания партии, комсомола, а также военкомата, если в брак вступали военнослужащие, лишь вскользь упоминая, что после торжественной части были танцы и безалкогольные застолья. Делались акценты на лозунгах и заявлениях молодоженов о преданности партии, готовности строить новый быт и даже признать родителями известных революционеров, например, Льва Давыдовича Троцкого и Клару Цеткин [П. В.].

¹ Большинство народных обрядов и праздников Башкирии послереволюционно-го времени назывались комсомольскими. Среди славянского населения с 1923 г. проходили комсомольское Рождество, комсомольская («красная») Пасха, среди мусульманского населения – комсомольские Курбан-байрам, Ураза-байрам, Мавлют-байрам, среди финно-угорского – комсомольский Семьк [Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. 122]. По Всероссийской переписи населения 1926 г., 40,0% населения Башкирии составляли русские, 23,5% – башкиры, 17,7% – татары, 5,1% – мишари, 13,7% – остальные народы [Всесоюзная перепись, с. 310]. Башкирский обком партии в то время был представлен в основном русскими [Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. 122. Оп. 1. Д. 6. Л. 24–27]. Большинство газет были русскоязычными, в них работали русские корреспонденты, которые выполняли поручения советского правительства.

Проблема заключалась в том, что для такой свадьбы не хватало помещений, докладчиков и артистов. Поэтому сокращенный вариант обряда проводился следующим образом: поездка в ЗАГС, затем скромное чаепитие с гостями дома, песни, танцы. Вечером все расходились по домам, чтобы утром начать трудовую жизнь [Там же]. Динамичное время требовало соответствующего ритуала, где не тратилось время на переговоры сторон жениха и невесты, обильные застолья, дорогие подарки, подготовку одежды новобрачных. Молодые облачались не в народные праздничные одежды, как раньше на селе, а в универсальную повседневную для современной молодежи одежду – это рубаха и брюки жениха, юбка, блузка, косынка у невесты; у девушек появились модные стрижки. По рассказам информаторов деревни Кустыгулово Кармаскалинского района Башкортостана, невеста на торжество надевала юбку с кофтой, покрывала голову косынкой революционного красного цвета, из такой же ткани жених на лацкан костюма крепил ленточку [Галиева].

Вероятно, наиболее ранняя «красная» свадьба в Башкирии прошла в Уфе². По описаниям газеты «Власть труда», 2 октября 1923 г. в клубе имени Октябрьской революции собрались рабочие и работницы, главным образом молодежь, чтобы поздравить молодую семью Ермолиных. Открывается занавес. На сцене – президиум бюро ячейки РКСМ. Читаются три доклада, в которых особое внимание уделяется разнице между церковным и гражданским браками. Речь ораторов завершается словами поздравлений в адрес молодоженов. Затем организуется танцы [Мясников бурлак].

В начале 1924 г. «красная» свадьба проводилась в городах Башкирии (Уфа, Стерлитамак), кантонных центрах (Белебей, Зилаир) и заводских поселках (Кананикольское), в партийной и рабочей среде, среди служащих [Н. Т.]. Иногда несколько «красных» праздников совмещались, например, коммунистические крестины, комсомольская свадьба и празднование пятилетия Давлекановской организации РКП. Было это так: на торжественном собрании

...зачитываются заявления о коммунистических крестинах и комсомольской свадьбе. После продолжительных аплодисментов вызвали в президиум подавших заявления. Слово дано секретарю Волкома тов. Стрежневу и родителям новорожденного. По просьбе родителей новорожденному дано имя Маркс. Под гром аплодисментов имя утверждается. <...> Не менее оживленно прошла и комсомольская свадьба. После были зачитаны доклады на темы повестки дня и вновь принято несколько заявлений в кандидаты РКП. <...> По окончании был дан спектакль и концерт, исполненный комсомольцами [Б. П.].

Этническая принадлежность молодоженов на «красной» свадьбе не имела особого значения, тем более, если в брак вступали комсо-

² Первой «красной» свадьбой считается свадьба наркомов Александры Коллонтай и Павла Дыбенко в декабре 1918 г.

мольцы. Отличительной особенностью свадьбы нерусских было лишь то, что поздравительные речи, песни и спектакли звучали в этом случае не только на русском, но и на национальных языках.

Сведения о свадьбе носителей тюркских фамилий появляются в русскоязычных и татаро-башкирских газетах в середине 1924 г.³ Приведем выдержку из одной из них:

В Белебее в июле 1924 года первый раз на общегородском собрании комсомола состоялась красная революционная свадьба между комсомольцами Валеевым и Харисовой. Новобрачных приветствовал ряд ораторов от различных организаций. От комсомола им преподнесли значок КИМа с наказом в своей личной жизни не забывать общественную. Свадьба собрала массу народа [Гамэн].

В публикации описано, как женились работники уфимской типографии «Октябрьский натиск» Мамлеевы. На их свадьбе звучали доклады о новом быте и приветствия на русском, татарском и башкирском языках; были организованы игры, исполнение стихов и песен под сопровождение духового и струнного оркестра [Шпадия]. Факты проведения «красной» свадьбы приведены в башкиро-татарской газете «Яш юксул» («Юный пролетарий»), среди комсомольцев Стерлитамакской ячейки и служащих Башторга Уфы [Арслан; Л.].

В башкирской деревне Кустыгулово Кармаскалинского района старожилы помнят о «красной» свадьбе, проведенной летом 1925 г. Правда, ее здесь называли «русской свадьбой», а не «красной». Причина в том, что молодожены у башкир и татар по традиции не сидели за свадебным столом, а ухаживали за гостями. И вдруг они оказались в центре внимания, как у русских, на почетном месте. Их усадили в президиум – за стол, накрытый красной скатертью, в клубе, в их адрес произносили благопожелания. Потом было скромное застолье с вареной картошкой, чаем и кусковым сахаром. Говорили на башкирском языке (русским владели плохо), пели революционные песни, включая «Интернационал» на башкирском языке. После этой свадьбы многие односельчане осуждали молодых, потому что те провели торжество «не как у людей», не по обычаям предков. Снова в деревне устроить «красную» свадьбу уже никто не решился [Галиева].

В русских селениях Башкирии «красные» свадьбы если и проводились, то также лишь иногда, по инициативе комсомольцев, а также демобилизованных красноармейцев и студентов, например, в селе Варварино Зирганской волости Стерлитамакского кантона [Шмель] и в Киргиз-Миякинской волости [Очевидец]. Единичные примеры в 1925 г. были зафиксированы в Златоустовском уезде:

³ Отдельных башкирских газет в то время не было. Татаро-башкирские газеты издавались на арабском шрифте. В середине 1920-х гг. еще только обсуждались вопросы создания башкирского литературного языка на основе тех или иных диалектов, происходила разработка башкирского алфавита на латинской основе, официально утвержденного в 1929 г.; переход на кириллицу произошел в 1936 г.

Первую красную свадьбу устроил крестьянин Решетников деревни Со-
рвихи Удельно-Дуванейской волости, без попов и самогона [Отовсюду].

Напрасно газеты активно критиковали тех, кто устраивает «не
свадьбу, а пьянство» [Комсомольская тина], собирает не своих ребят,
а «бородатых стариков», «падает перед ними на колени, прося бла-
гословения» [П.]. Народ по-прежнему проводил традиционные ри-
туалы, нововведение властей не могло вытеснить традицию. Пресса
объясняла этот факт экономической зависимостью молодых от роди-
телей, которые давали в приданое корову и другой скот, оказывали
хозяйственную помощь лишь в том случае, если свадьба будет «через
церковь» [Сосед]. Понимая, что без скота и поддержки родственни-
ков самостоятельная жизнь на селе невозможна, молодым приходи-
лось соглашаться на «поповскую свадьбу» и, как следствие, выходить
из комсомола [Селькор Шадрин]. Другой причиной сохранения тра-
диционного обряда газеты называли то, что один из будущих супру-
гов не желал отказываться от религии, а соответственно, и от рели-
гиозных обрядов. В такую ситуацию попадали даже комсомольские
лидеры. В Шаране бывший ответственный секретарь волостного ко-
митета Леонид Галдобин «увлекся барышней одной, да так увлекся,
что не заметил, как попал с невестой под венец в Писаревской церк-
ви», за что получил “волчий билет”» [Ив. Бертош]. В Архангельской
волости секретарь Ирныкшинской ячейки Аркадий Карташев «толь-
ко в прошлом году вступил в ряды комсомола... но в нынешнем году
ткнул его “бес в ребро” – попал под влияние девушки одного кула-
ка, не постарался ее развить, а взял да и обвенчался с ней в церкви»
[С законным браком].

В Аргаяшском кантоне «организация РКСМ исключила из своих
рядов Шушкова Александра за то, что венчался в церкви» [У]. В укра-
инском селе Боголюбовка Чишминской волости секретарь ячейки
комсомола Денисенко задумал жениться:

Девку он полюбил богомольную. Не хочет она идти замуж, не венчав-
шись у попа, да и родители этого никогда не допустят. А парню крепко
хочется жениться. <...> Он решает: дай обвенчаюсь, авось ребята по-
шутят и не выбросят из комсомола, а после и забудут. Ну и повенчался,
конечно. И говорит теперь кулак: «Ащо, комсомольцы, кажите, що попив
не треба, а сами як женятся, то и бежать до попа, та ще и руки цилують
патлатому» [Гай].

По патриархальным обычаям в середине 1920-х гг. не только прово-
дили свадебные обряды, но иногда выбирали невесту. В русской деревне
Ломовка Уфимского кантона родители заставили крестьянина Алексея
Новоселова жениться на богатой девушке старше его, «сын не соглашал-
ся на ней жениться и всякими способами отбояривался. Но отец пу-
тем избиения сына принудил его взять навязанную жену» [Садырин].

Таким образом, молодежь в 1920-х гг. оказывалась в драматической ситуации, когда приходилось выбирать: любовь или комсомол, помощь, благословение родителей или комсомольско-партийная карьера.

Понимая, что в споре между нововведением и старыми обычаями складывается неоднозначная ситуация, газета «Красная Башкирия» в мае 1925 г. рассуждала о необходимости послабления в отношении лиц, участвовавших в религиозном обряде венчания. Если парень не может быстро «перевоспитать» невесту и переубедить родителей,

...строго преследовать венчающегося не следует. Нужно к каждому такому парню подходить отдельно. Если он политически развитый, особенно из служащих в деревне и т. д., тогда можно судить строже, но если он от сохи не развит, то строго карать и исключать не следует [Ваняга Комсомолагин].

В июне 1925 г. та же газета изменила свой настрой, она советовала комсомольцам решительно делать свой выбор исходя из вопроса:

Что дороже – девушка или комсомол⁴. Если дороже девушка, нужно выбросить комсомольский билет. <...> А девушка? Надо попытаться ее убедить. Если она не поддается убеждению, то лучше расстаться. В последний раз при расставании можно потихоньку пустить слезу, не спрашивая разрешения обкома [О морали, о мещанстве].

Согласно имеющимся сведениям, «красная» свадьба была данью моде и могла быть проведена на украденные деньги, например, собранные у крестьян на подписку газеты, канцелярские расходы в деревне Булак-Турган Улу-Теляжской волости и на отвод земли в Давлеканово [О комсомольских нормах]. В любом случае проведение «красной» свадьбы сближало молодежь разных этносов благодаря тому, что имело идейную направленность и схожее содержание. В газете «Красная Башкирия» читаем:

В чувашской ячейке РЛКСМ села Дюртюли Шаранской в[олости] Белебеевского к[антона] комсомолец Колька Иванов женился на беспартийной девушке из бедной среды Феклуше Николаевой. 2 марта в нардоме устроили красную свадьбу. Были приветствия и доклады. Нардом был полон крестьянами [Укиязец].

По архивным источникам, в эстонском поселке Линда Раевской волости в 192(?) году [были] устроены две красные свадьбы. Религиозных культов в поселке нет, веруют только старики, современные взрослые граждане ребенка именуют без крещения» [Садиков, с. 105].

Газеты порой давали ложную информацию, направленную на формирование общественного мнения о якобы принятии

⁴ Рекомендации комсомола соответствуют особенностям психологии россиян, таким качествам, как способность к жертвенности и самоотречению ради высоких идей, послушание власти [Оксана Гайлит, с. 292].

теми или иными сельчанами революционных перемен, рассчитывая на то, что этим примерам последуют другие. Сообщается, что в некоем издании 1924 г. (вероятно, в газете «Власть труда») были опубликованы сведения о том, что один из староверческих приходов выгнал попа, а церковь закрыл на замок. На деле же, по письмам жителей села, приход выгнал «обновленца» и закрыл церковь до тех пор, пока прихожане не получают «староцерковного попа» [Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. 122. Оп. 3. Д. 12. Л. 88]. Вероятно, и по поводу «красной» свадьбы, и других «красных» обрядов газеты могли представлять несуществующие сведения. Тем не менее, совсем не верить средствам массовой информации мы не можем, так как «красные» свадьбы упоминаются еще и в архивных источниках.

Другое дело – новая обрядность не получала распространения в крестьянской среде, а это большинство населения. Даже в 1926 г., после нескольких лет индустриального развития, в Башкирии сельчан было 91,1%, в том числе башкир – 98,1% [Всесоюзная перепись, с. 310–311]. Согласно документам Башкирского обкома партии, работа среди башкир была затруднительной. Многие башкиры сохраняли кочевой образ жизни, имели низкую грамотность, особенно на русском языке [Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. 122. Оп. 3. Д. 12. Л. 22; Ф. 122. Оп. 3. Д. 9. Л. 116]. Башкирские женщины не стремились участвовать в общественной работе, «революционизироваться» [Там же. Л. 119]. Более того, семейные отношения у башкир в 1920-е гг. развивались в рамках шариата:

Многоженство (даже среди членов партии), калым, умыкание и проч. до сих пор еще крепко держатся в крестьянстве, особенно там, где сама крестьянка не восстает против этого. Предпосылки к этому – экономическая зависимость и несамостоятельность женщины, ее численное преобладание, ранняя выдача замуж [Там же. Л. 231 об.].

После вступления в силу в октябре 1924 г. законодательства РСФСР, запрещающего многоженство, башкиры-многоженцы лишь формально оформляли развод с второй-третьей женой, продолжая жить со всеми женами [Там же. Л. 102 об.]. В документах Башкирского обкома партии 1925 г. читаем:

В силу экономической бедности башкирского населения... приходилось местами слышать из уст самих женщин утверждение возможности и даже целесообразности многоженства исходя из чисто экономической необходимости имения в хозяйстве рабочих рук (молодую хозяйку) при старости старших жен [Там же. Оп. 4. Д. 37. Л. 88].

Очевидно, что женщины выступали против посягательств на полигамию по причине не только экономических трудностей, но

и в силу многовековых традиций башкирской общины. Поэтому в планы мероприятий обкома партии и комсомола Башкирии ставились лишь вопросы обновления содержания сабантуя, организации нового праздника урожая [Там же. Ф. 122. Оп. 4. Д. 37. Л. 77], реформатирования религиозных праздников Курбан-байрам, Ураза-байрам и Мавлют-байрам [Там же. Ф. П-122. Оп. 2. Д. 136. Л. 25 об.].

Сведений о проведении «красной» свадьбы среди башкир в документах комиссии по изучению быта молодежи Башкирии, которая работала в 1927 г. среди русских и башкир, не имеется. Новые обряды были зафиксированы лишь у русских:

В некоторых волостях проводились красные свадьбы во время женитьбы комсомольцев – устраивались заседания с докладом о новом быте. На таких вечерах до 250 ч. участвовало беспартийного населения [Там же. Ф. 341. Оп. 1. Д. 161. Л. 26 об.].

Из приведенного примера очевидно, что и среди русских комсомольцев наряду с новым ритуалом («заседание с докладом») проводились традиционные обряды (женитьба) [Там же. Л. 28–29].

«Красная» свадьба имела определенное место в быту этносов Башкирии, но примеры нового обряда были малочисленными. Расспросы специалистов в области этнографии чувашей, удмуртов, марийцев, мордвы, латышей Башкирии не дали результатов. В опубликованной этнографической литературе, посвященной указанным народам, такие факты также отсутствуют. Исключение составляют приуральские татары (татары Башкирии), о которых пишут Р. К. Уразманова и Э. В. Камалеев [Уразманова, с. 89–90; Камалеев, с. 20–21].

С одной стороны, можно говорить о появлении определенного опыта проведения «красной» свадьбы у русских и других народов Башкирии, с другой – о попытке новых ритуалов сосуществовать с традиционными обрядами, а затем и встроиться в структуру последних. В газетах и этнографической литературе имеются примеры того, как обряды проводились либо параллельно в разных помещениях, либо друг за другом. В русском селении

...Секретарь Нордовской ячейки РЛКСМ Зиргановской волости Сарвилов недавно, женившись на дочери попа С. И., устроил в школе красную свадьбу. Выступили многие товарищи, сам Сарвилов, которые говорили о старом и новом быте. Но, видимо, у Сарвилова слово – одно, а дело – другое. На другой день в квартире Сарвилова были заданы «балы» по всем правилам и, как водится, самогона было моря: «молодой» обносил дорогих гостей вином [Пчелка].

У приуральских татар свадьба по традиции начиналась с религиозного обряда *никах* при участии муллы и старшего поколения. Затем для более молодых организовывали *зур туй* (большую свадьбу)

с традиционными этническими обрядами, а вечером для молодежи, друзей и коллег – *кызыл туй* с безалкогольными застольями и словами благодарности руководителям партии. В ряде случаев *зур туй* и *кызыл туй* проводились одновременно [Камалеев, с. 20–21]. Аналогично «красная» свадьба в сочетании с национальными обрядами проходила в Татарстане [Уразманова, с. 89–90] и Узбекистане [Лобачева, Тульцева, с. 38].

К концу 1920-х гг. «красные» свадьбы, как и «красные» крестины, все реже упоминаются в прессе. Газета писала:

Октябрины, красные свадьбы перешли в обычай <...>. Ничего нового не дают, надоели. <...>. В деревнях с целью антирелигиозной пропаганды, в борьбе за новый быт, там, где ни разу октябрины не устраивали, можно провести один-два раза и красные свадьбы, и октябрины. Но в городе от этого давно пора отказаться [Ив. Шныра].

Как пишет Анна Соколова, «красные» обряды стали неактуальными в связи с переходом государства к политике прямого принуждения в период коллективизации [Соколова, с. 199]. Другая причина заключается в том, что эти обряды так и не получили поддержки у крестьянского населения. Более того, они дискредитировали себя как чуждые народу.

Итогом того времени стало возведение лицемерия в ранг государственной политики: можно было думать одно, говорить второе, а делать третье – на людях быть ярым атеистом, а в быту проводить этнорелигиозные обряды. Так жили многие поколения людей, дела карьеру, занимая ответственные посты. Вплоть до начала 1990-х гг. и смены государственной идеологии после проведения общепринятой советской регистрации брака значительная часть граждан обращалась к служителям религии с просьбой освятить рождение семьи. Даже партработники шли на риск и ездили в другие селения, пытаясь скрыть правду, чтобы крестить детей, приглашали священнослужителя отпевать покойного родителя. Другим итогом внедрения «красных» ритуалов в Башкирии стало углубление социальных конфликтов на разных уровнях – отцов и детей, начальников-соплеменников и рядовых башкир, властей, навязывающих обезличенные обряды, и многонационального народа с богатейшими разнообразными многовековыми традициями. Политика силового лишения этнокультуры особенно болезненно сказалась на титульном этносе, привела к русификации и утрате многих традиций, которые в наши дни пытаются возродить современники.

Список литературы

Азарова П. Феномен антипраздника в советской массовой культуре 1920-х – середины 1930-х годов // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 10. История. С. 120–124.

- Арслан.* Обойдемся без мулл // Яш-Юксул. 1924. 23 июля.
- Б. П.* Празднование 5-летия Давлекановской организации РКП // Власть труда. 1924. 11 янв.
- Ваняга Комсомолягин.* Можно ли комсомольцу венчаться в церкви? // Красная Башкирия. 1925. 15 мая.
- Всесоюзная перепись населения 1926 года. М. : Изд. Центр. стат. управления СССР, 1928. Т. 4. С. 310–311.
- Гай.* Венчался у попа // Красная Башкирия. 1925. 22 февр.
- Гайлит О. А.* Религия в «молодом» обществе: заметки о становлении советской повседневности // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 288–308.
- Галиева Ф. Г.* Материалы полевых исследований. 2017. Респ. Башкортостан, Кармаскалинский р-н, д. Кустьгулово / информаторы М. З. Лутфуллина (1918 г. р.), Ф. Г. Самикова (1955 г. р.), С. Г. Айтуганова (1969 г. р.) // Личный архив автора.
- Гамэн.* Красная свадьба (Белебей) // Власть труда. 1924. 10 июля.
- Ив. Бертош.* Вот так «активист» // Красная Башкирия. 1925. 28 марта.
- Ив. Шныра.* Заоктябрились // Красная Башкирия. 1925. 22 марта.
- Иошкин М. В.* Комсомольская свадьба в системе атеистических действий на рубеже 1950–1960-х годов // Вопросы современной науки и практики / Ун-т им. В. И. Вернадского. 2014. № 3 (53). С. 147–152.
- Камалеев Э. В.* Приуральские татары: свадебный обряд в динамике от традиций к современной общероссийской модели // Этнокультурные процессы на Южном Урале в XX – начале XXI в. СПб. : Свое изд-во, 2015. С. 20–35.
- Комсомольская тина // Красная Башкирия. 1925. 11 апр.
- Л.* Красная свадьба // Яш-Юксул. 1924. 6 июля.
- Лобачева Н. П., Тульцева Л. А.* Традиции в современной обрядности узбеков // Этнографическое обозрение. 1977. № 6. С. 32–44.
- Марков В. Д.* Красная свадьба. М. : Долой неграмотность, 1927. 49 с.
- Мясников бурлак.* Комсомольская свадьба // Власть труда. 1923. 11 окт.
- Н. Т.* Наша взяла (Завод Кананикольский) // Власть труда. 1924. 28 марта.
- Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. 122. Оп. 1–6; Ф. 341. Оп. 1–2. О комсомольских нормах // Красная Башкирия. 1925. 24 мая.
- О морали, о мещанстве // Красная Башкирия. 1925. 26 июня.
- Оренбургское духовное магометанского закона собрание : 1797–1917 гг. // Центральный исторический архив Республики Башкортостан. Фонд И-295. Оп. 3–4.
- Отовсюду : Из крестьянских писем // Красная Башкирия. 1925. 1 апр.
- Очевидец.* Первая красная свадьба (Киргиз-Миякинская вол.) // Власть труда. 1924. 26 авг.
- П. В.* Новый быт у военнослужащих // Власть труда. 1924. 19 янв.
- П.* Комсачи под благословляющей десницей // Красная Башкирия. 1925. 28 марта.
- Пчелка.* Не новый быт, а помойная яма // Красная Башкирия. 1925. 28 марта.
- С законным браком // Красная Башкирия. 1925. 18 апр.
- Садиков Р. Р.* Эстонцы на Южном Урале : ист.-этногр. очерки. Уфа : [Б. и.], 2012. 132 с. (Прил. Архивные документы. Выводы обследования Линдовской эстонской ячейки ВЛКСМ Раевской волости // Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. 341. Оп. 1. Д. 237. Л. 98–99).
- Садьрин* // Красная Башкирия. 1925. 8 апр.
- Селькор Шадрин.* Вот так секретарь ячейки! // Красная Башкирия. 1925. 22 февр.
- Соколова А. Д.* Похороны без покойника: трансформации традиционного похоронного обряда // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 187–202.
- Сосед.* Променял на корову // Красная Башкирия. 1925. 22 марта.
- Табунищикова Л. В.* «Красная обрядность» на территории Дюнабласти в 1923–1924 гг. // Вестн. ПСТГУ. 2015. Вып. 6 (67). С. 85–94.
- У.* Ступай под рясу // Власть труда. 1924. 29 июня.
- Укьязец.* Красная свадьба в деревне // Красная Башкирия. 1925. 31 марта.

Уразманова Р. К. Современные обряды татарского народа. Казань : Татар. книж. изд-во, 1984. 143 с.

Шмель. Свадьба по-новому : (Село Варварино Зирганской вол.) // Власть труда. 1924. 8 авг.

Шпацця. Красная свадьба у печатников // Власть труда. 1924. 12 сент.

References

Arslan (1924). Oboidemsa bez mull [We will do without Mullahs]. In *Yash-Yuksul*. July 23.

Azarova, P. (2011). Fenomen antiprazdnika v sovetskoj massovoi kul'ture 1920-kh – serediny 1930-kh godov [The Phenomenon of the Anti-Holiday in the Soviet Popular Culture of the 1920s – Mid-1930s]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija, filologija*. Vol. 10. Iss. 10. Istorija, pp. 120–124.

B. P. (1924). Prazdnovanie 5-letiya Davlekanovskoi organizatsii RKP [Celebrating the 5th Anniversary of the Davlekanovskaya Organisation of the RCP]. In *Vlast' truda*. Jan. 11.

Gai. (1925). Venchalsya u popa [Married by a Priest]. In *Krasnaya Bashkiriya*, Febr. 22.

Gailit, O. A. (2012). Religiya v “molodom” obshchestve: zametki o stanovlenii sovetskoj povsednevnosti [Religion in a “Young” Society: Notes about the Formation of Soviet Everyday Life]. In *Antropologicheskii forum*. No. 16, pp. 288–308.

Galieva, F. G. (2017). Materialy polevykh issledovaniy [Field Materials] / informant M. Z. Lutfullina (born in 1918); informers F. G. Samikova (born in 1955) and S. G. Aituganova (born in 1969) according to stories of fellow villagers. Respublika Bashkortostan, Karmaskalinsky borough, village Kustygulovo. In *Lichnyi arkhiv avtora*.

Gamen (1924). Krasnaya svad'ba (Belebei) [Red Wedding (Belebey)]. In *Vlast' truda*, July 10.

Ioshkin, M. V. (2014). Komsomol'skaya svad'ba v sisteme ateisticheskikh deistvii na rubezhe 1950–1960-kh godov [The Komsomol Wedding in the System of Atheistic Measures at the Turn of the 1960s]. *Voprosy sovremennoi nauki i praktiki / Universitet imeni V. I. Vernadskogo*. No. 3 (53), pp. 147–152.

Iv. Bertosh (1925). Vot tak “activist” [Some “Activist”]. In *Krasnaya Bashkiriya*, March 28.

Iv. Shnyra (1925). Zaoktyabrilis' [Getting too Octoberised]. In *Krasnaya Bashkiriya*, March 22.

Kamaleev, E. V. (2015). Priural'skie tatory: svadebnyi obryad v dinamike ot traditsii k sovremennoi obshcherossiiskoi modeli [Priuralye Tatars: The Wedding Ceremony from Tradition to the Modern All-Russian Model]. In *Etnokul'turnye protsessy na Yuzhnom Urale v XX – nachale XXI v.* St Petersburg, Svoe izdatel'stvo, pp. 20–35.

Komsomol'skaya tina [Komsomol Slime]. In *Krasnaya Bashkiriya*. April 11.

L. (1924). Krasnaya svad'ba [Red Wedding]. In *Yash-Yuksul*. July 6.

Lobacheva, N. P., Tul'tseva, L. A. (1977). Traditsii v sovremennoi obryadnosti uzbekov [Tradition in Modern Uzbek Rituals]. *Etnograficheskoe obozrenie*. No. 6, pp. 32–44.

Markov, V. D. (1927). *Krasnaya svad'ba* [Red Wedding]. Moscow, Doloi negramotnost'. 49 p.

Myasnikov burlak. (1923). Komsomol'skaya svad'ba [Komsomol Wedding]. In *Vlast' truda*. Oct. 11.

N. T. (1924). Nasha vzyala (Zavod Kananikol'skii) [We Won (Kananikolsky Plant)]. In *Vlast' truda*, March 28.

Natsional'nyi arkhiv Respubliki Bashkortostan [National Archive of the Republic of Bashkortostan]. Stock 122. List 1–6; Stock 341. List 1–2.

O komsomol'skikh normakh [On Komsomol Standards]. (1925). In *Krasnaya Bashkiriya*. May 24.

O morali, o meshchanstve [On Morality, on Philistinism]. (1925). In *Krasnaya Bashkiriya*. June 26.

Ochevidets (1924). Pervaya krasnaya svad'ba (Kirgiz-Miyakinskaya volost') [The First Red Wedding (Kirghiz-Miyaki Volost)]. In *Vlast' truda*. Aug. 26.

Orenburgskoe dukhovnoe magometanskogo zakona sobranie. 1797–1917 gg. [Orenburg Spiritual Mohammedan Assembly. 1797–1917 gg.]. In *Tsentral'nyi istoricheskii arkhiv Respubliki Bashkortostan*. Stock I-295. List 3–4.

Otovsyudu. Iz krest'yanskikh pisem [From Everywhere. Excerpts from Peasants' Letters]. (1925). In *Krasnaya Bashkiriya*. April 1.

P. (1925). Komsachi pod blagoslovlyayushchei desnitsei [Komsomolsk-on-Amur Residents under the Blessing Hand]. In *Krasnaya Bashkiriya*, March 28.

P. V. (1924). Novyi byt u voennosluzhashchikh [A New Lifestyle for Servicemen]. In *Vlast' truda*. January 19.

Pchelka. (1925). Ne novyi byt, a pomoinaya yama [Not a New Life, but a Cesspit]. In *Krasnaya Bashkiriya*. March 28.

S zakonnym brakom [Happy Wedding]. (1925). In *Krasnaya Bashkiriya*. April 18.

Sadikov, R. R. (2012). *Estontsy na Yuzhnom Urale: istoriko-etnograficheskie ocherki* [Estonians in the Southern Urals: Historical and Ethnographic Essays]. Ufa, S. n. 132 p. (Pril. Arkhivnye dokumenty. Vyvody obsledovaniya Lindovskoi estonskoi yacheiki VLKSM Raevskoi volosti. In *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Bashkortostan*. Stock 341. List 1. Dos. 237).

Sadyrin (1925). In *Krasnaya Bashkiriya*, Apr. 8.

Sel'kor Shadrin. (1925). Vot tak sekretar' yacheiki! [Some Secretary of a Territorial Department!]. In *Krasnaya Bashkiriya*. February 22.

Shmel' (1924). Svad'ba po-novomu. (Selo Varvarino Zirganskoj volosti) [Wedding in a New Way. (Varvarino Village of Zirga Volost)]. In *Vlast' truda*. August 8.

Shpatsiya (1924). Krasnaya svad'ba u pechatnikov [Red Wedding of Printers]. In *Vlast' truda*, September 12.

Sokolova A. D. (2011). Pokhorony bez pokoinika: transformatsii traditsionnogo pokhoronnogo obryada [A Funeral without the Deceased: The Transformation of a Traditional Funeral Ritual]. In *Antropologicheskii forum*. No. 15, pp. 187–202.

Sosed (1925). Promenyal na korovu [Exchanged for a Cow]. In *Krasnaya Bashkiriya*, March 22.

Tabunshchikova, L. V. (2015). "Krasnaya obryadnost" na territorii Donoblasti v 1923–1924 gg. ["Red Rituals" in the Don Region between 1923 and 1924]. In *Vestnik Pravoslavno-Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*. Iss. 6 (67), pp. 85–94.

U (1924). Stupai pod ryasu [Go to the Priest]. In *Vlast' truda*. June 29.

Ukiyazets (1925). Krasnaya svad'ba v derevne [Red Wedding in the Country]. In *Krasnaya Bashkiriya*. March 31.

Urazmanova, R. K. (1984). *Sovremennye obryady tatarskogo naroda* [Modern Ceremonies of the Tatar People]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo. 143 p.

Vanyaga Komsomolyagin. (1925). Mozhno li komsomol'tsu venchat'sya v tserkvi? [Can a Komsomol Member Get Married in a Church?]. In *Krasnaya Bashkiriya*. May 15.

Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda v 10 t. [All-Union Population Census of 1926. 10 Vols.]. (1928). Moscow, Izdatel'stvo Tsentral'nogo statisticheskogo upravleniya SSSR. Vol. 4, pp. 310–310.

The article was submitted on 26.07.2018